

Студенский Алексей Осипович

**Всполохи разума:
Философичное руководство
для типографий, издателей,
редакций, корректоров и
отчасти писателей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А47

А47 **Алексей Осипович С.**
Всполохи разума: Философичное руководство для типографий, издателей,
редакций, корректоров и отчасти писателей / Студенский Алексей Осипович –
М.: Книга по Требованию, 2025. – 240 с.

ISBN 978-5-519-75678-5

ISBN 978-5-519-75678-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Авторъ «*Корректорскаго списка*» находился доселѣ въ довольно странномъ положеніи.

9 — 10 лѣтъ живя безвыѣздно въ Петербургѣ, онъ все-таки можно сказать никогда не жилъ въ Петербургѣ; имѣя твердую рѣшимость навсегда и остаться въ Петербургѣ, онъ все-таки, можно сказать, никогда не былъ въ немъ, все-то задаваясь мыслью: этотъ городъ, говорятъ, по ошибкѣ построенъ на неудобномъ въ климатическомъ отношеніи мѣстѣ, такъ нельзя ли его перенести куда-нибудь въ другое мѣсто? и въ такомъ случаѣ куда же именно: сюда? не ловко! туда? — тоже не удобно! ну, наконецъ, туда?—да; но все-таки... Имѣя очень скромный достатокъ, онъ воображалъ себя обладателемъ несмѣтныхъ сокровищъ. Зная очень хорошо, что достатокъ пріобрѣтается не высматриваніемъ по цѣлымъ часамъ чистаго голубаго или усяннаго звѣздами либо поярчатыми облаками неба, все-таки онъ жестоко

жалѣлъ людей, лишенныхъ этой способности, и часто мѣрять людей именно по большей или меньшей степени ея развитія. Обитая очень укромный уголокъ въ очень укромномъ домѣ, онъ не зналъ, оставаться ли ему въ этомъ укромномъ уголкѣ, или же построить свой домикъ, а лучше свой домъ, вотъ примѣрно такой-то и такой-то. Чувствуя силы немовѣрныя, онъ въ тоже время сомнѣвался въ ихъ наличности; убѣждавшись снова и снова въ ихъ наличности, не зналъ, нужно ли ему этими силами пользоваться, или же сдерживать ихъ. Живши рядомъ или неподалеку отъ весьма замѣчательныхъ, а можетъ быть и великихъ людей, онъ все-таки искалъ ихъ и искалъ, не видя ни въ комъ нетолько величія, но и хоть бы мало-мальски порядочной значительности. Все, казалось, было какъ-то разрозненно, разбито, не значительно и случайно.

Наконецъ открытіе сдѣлано. Люди—это тоже, что любой бунтокъ луку или чесноку въ любой курятной или зеленой лавкѣ. Одна головка побольше, другая поменьше, третья совѣтъ маленькая, но нужды нѣтъ, это нисколько не мѣшаетъ оставлять и эту послѣднюю въ общей связкѣ: безъ нея не составилось бы самой связки; такъ бунтокъ и продается, безъ перемѣны, и почти никому не приходится въ голову спориться изъ-за его подбора.

Такъ, открытіе, говоримъ, сдѣлано: люди болѣе

или менѣе крѣпко связаны между собой. Но гдѣ и чѣмъ связаны, вотъ вопросъ.

Нѣсколько раньше мы нашли, что они связаны больше всего по головамъ; а теперь видимъ подъ волосами и удерживающую ихъ вмѣстѣ веревку. Это— слово; какое бы ни было, но слово.

Но такъ какъ въ тоже время мы вѣримъ, что и эта истина стала давнымъ-давно извѣстна міру, то совсѣмъ не хотѣли-было и давать какого-либо предисловія къ этой третьей своей брошюрѣ, а прямо сослаться напр. на ея рубрику «*Обзоръ Корректорскаго списка*», какъ на ближайшій поводъ къ появленію ея въ свѣтъ, или хоть бы на *Смѣсь* да тѣмъ дѣло и кончить.

Въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ пишутся всѣ эти предисловія къ книгамъ?!

Есть обертка, ну и довольно.

Что бы тамъ ни стояло, а все-таки довольно.

Студенскій.

Предувѣдомленіе.

«Всполохи» это—физическое и преимущественно сѣверному полюсу свойственное явленіе. (Есть ли «Южное» сѣверное сіяніе?..). Состоитъ оно въ томъ, что по закатѣ солнца появляются на сѣверномъ краю неба болѣе или менѣе большія, т. е. длинныя и широкія, болѣе или менѣе сильныя, устойчивыя и свѣтлыя полосы, столбы, языки и дорожки. Они то бросаются на остальную, въ такомъ случаѣ всегда глубоко темную и спокойную, часть неба, какъ-бы стараясь захватить ея какъ можно больше, то отступаютъ назадъ, постоянно оставляя болѣе или менѣе видную часть свою на горизонтѣ съ тѣмъ, чтобы начиная съ нея и дальше опять и опять броситься на остальную часть горизонта и такимъ образомъ мало-малыски освѣтить и оживить его хоть на одинъ или нѣсколько вечеровъ въ году.

Прошлой осенью мы такъ увлеклись и засмотрѣлись на эти движущіяся, бросающіяся и какъ-будто что-то хватающія и проникающія полосы, что право и не замѣтили: кажется правѣе, т. е. западо-сѣверо-сѣвернѣе были и другіе, болѣе обширныя и устойчивыя столбы и полосы, вродѣ самаго Сѣвернаго сіянія?

О Т Д Ъ Л Ъ I.

А. ТИПОГРАФІЯ.

А. ПОРЯДОКЪ ТИПОГРАФСКАГО ПРОИЗВОДСТВА.

аа) **Рукопись.** По свойству вѣхъ частей типографскаго производства, которыя мы хотимъ разсмотрѣть здѣсь, весьма важно рѣшить прежде всего вопросъ: что лучше, самому ли писать рукопись или писать подъ диктовку кому-либо?

аб) По отвѣтъ на этотъ вопросъ тѣсно связанъ съ еще болѣе общимъ вопросомъ: должны ли мы себя ограничивать или нѣтъ, а если не должны, то возможно ли намъ никогда и рѣшительно ни въ чемъ себя не ограничивать? Но должны ли мы себя ограничивать или не должны, во всякомъ случаѣ почему это?

ав) Раньше («*Корректорскій списокъ*», 144) мы прочно обосновали, что «истина есть то, что есть».

Пусть же глумятся надъ нами сколько душѣ угодно, мы не потеряемъ духа и торжественно будемъ увѣрять, что и въ типографскомъ производствѣ слѣдуетъ отъ начала до конца руководствоваться тѣмъ же воззрѣніемъ на истину и прилагивать все именно къ этому воззрѣнію и ни къ какому другому.

А вслѣдствіе этого воззрѣнія оказывается, что вопросъ о томъ, писать ли рукопись самому или работать съ кѣмъ-нибудь диктуя, тоже самое, что вопросъ о томъ, одному ли читать корректуру или съ помощникомъ.

Въ началѣ своей корректурной дѣятельности я относился ко всякой даже буквенной наборной ошибкѣ, слѣдуемой къ исправленію, тѣмъ болѣе къ наборной уже отпечатанной ошибкѣ, т. е. къ «опечаткѣ», именно какъ къ «противорѣчію истинѣ» и всѣми силами старался о возможно болѣе полномъ согласіи корректурныхъ оттисковъ и печатаемыхъ листовъ съ рукописью, а равно и съ послѣдующими ея исправленіями. Для этого я читалъ долгое время одинъ и притомъ дословно сличалъ наборъ и корректуры съ рукописью и одну корректуру съ другой; и этимъ способомъ корректированія конечно сильно гордился. Но зато чего онъ стоилъ! Правда, что такой исполнительности въ такого рода задачѣ много *помогалъ* особый нѣкій недугъ; но объ немъ рѣчь когда-нибудь послѣ.

Но при порядкѣ типографскаго производства, изображенномъ ниже подъ рубрикой *Вбдб*, рѣшительно было невозможно выполнить такую стоическую программу работы, какой задался я. Пришлось въ извѣстные дни брать помощника для слѣженія за моимъ чтеніемъ по оригиналу и разумѣется страдать за вышеназванную петину.

Затѣмъ пришлось прибѣгать къ этому послѣднему способу и при менѣе настоятельной въ немъ нуждѣ, разумѣется всегда вспоминая о превосходствѣ прежняго приѣма чтенія и всегда желая возвратиться къ нему при первой къ тому возможности во всей его цѣлости или по крайней мѣрѣ хоть отчасти и по-временамъ.

Желаніе такъ и осталось желаніемъ, и теперь приходится почти все читать съ помощникомъ. Разсмотримъ же, хуже или нѣтъ и насколько хуже или нѣтъ читать одному и съ помощникомъ.

Не говоря уже о чрезвычайно большомъ разнообразіи въ степени умѣнья помощника разбирать рукопись, его способности слѣдить за смысломъ, словомъ въ степени его умственной бодрости, совмѣстное чтеніе имѣетъ еще то неудобство, что худшія мѣста набора или цѣлые наборы не совпадаютъ съ разборчивостью и неразборчивостью рукописи, такъ что приходится либо корректору погонять помощника, либо обратно, и скучать конечно кому-нибудь изъ нихъ, такъ какъ ускореніе чтенія невозможно ни для того ни для другаго безъ вліянія на самое качество работы.

Такъ что, какъ ни будь внимателенъ помощникъ, чтеніе вдвоемъ *хуже*, чѣмъ чтеніе одного.

Притомъ оно и длиннѣе, считая половину за половину, т. е. половина времени, когда читаешь вдвоемъ, больше половины времени, когда тоже самое прочелъ бы одинъ.

Но зато считывать наборъ съ рукописью одному, особенно на маленькомъ столѣ или конторкѣ, когда корректура дана въ гранкахъ, а рукопись написана на листахъ

(полулисты тожъ), да еще «покурить» захочется, это — истинное распятіе.

Мы предлагаемъ болѣе достаточнымъ собратамъ построить (я не говорю заказать.... Впервыхъ куда намъ заказывать что-нибудь! А вовторыхъ у каждаго порядочнаго гражданина,—мы даже ставимъ это непремѣннымъ условіемъ для права считаться за порядочнаго гражданина, — должны быть свой топоръ, рубанокъ, пила, долото, отвертка, клеевница и знакомый дровяной дворъ) особаго рода корректурную машинку, т. е. такую же конторку, какія вездѣ, только чтобы на лѣвой ея сторонѣ, начиная съ того мѣста, гдѣ обыкновенно кладется лѣвая рука, была подвижная доска и съ такимъ подѣ нею механизмомъ, чтобы по мѣрѣ нажатія на корректуру эта доска отходила вверхъ съ положенной на нее рукописью, причемъ то мѣсто рукописи, гдѣ нужно смотрѣть, проходило бы подѣ какой-нибудь линейкой или просто картонной полоской ¹⁾).

Далѣе, не говоря уже о болѣе возможности при чтеніи вдвоемъ ошибокъ въ цифрахъ, напр. 8, 5, 4, 7 и 9, при такомъ чтеніи весьма естественны ошибки вродѣ «Пріѣхалъ

¹⁾ Нынѣ мы исполнили на деревѣ, вмѣсто картона, корректурную машинку, родѣ коробки съ валикомъ, для держанія и передвиженія оригинала, почти совсѣмъ освобождающую при корректурѣ лѣвую руку и значительно облегчающую положеніе тѣла. (При чтеніи не вдвоемъ.) Годна и для нѣкоторыхъ другихъ родовъ свѣрки, сличенія и т. п., а съ нѣкоторыми измѣненіями и для держанія и передвиженія листовъ подлинника при переводѣ.

Цѣна безъ доставки 5 рублей. Офицерская и Фонарный, домъ № 7—14, кв. № 43.